

— Су Цзэ, остановись! — закричал Хэ Чжэньпин, всё ещё не сдаваясь, и снова преградил путь Су Цзэ.

Су Цзэ промолчал.

— Я... Я просто хочу спросить в последний раз. С самого начала нашего знакомства ты действительно всё время обманывал меня? Неужели ты никогда по-настоящему не любил меня? Хотя бы на мгновение?

Су Цзэ долго молчал, но затем покачал головой.

— Нет.

В грохоте поезда Су Цзэ снова ушёл, но на этот раз Хэ Чжэньпин остался стоять на месте, провожая его взглядом, не пытаясь догнать.

В этой любви он проиграл, проиграл полностью.

В тот день Хэ Чжэньпин стоял на вокзале, полностью забыв о срочной работе, которую поручил ему бригадир Чжан. Он простоял там до вечера, и когда очнулся, было уже слишком поздно.

Бригадир Чжан чуть не умер от злости и сразу же уволил Хэ Чжэньпина, сказав, чтобы тот больше не приходил работать.

Хэ Чжэньпин был в отчаянии. Он не пошёл домой, купил несколько бутылок алкоголя и, шатаясь, бродил по улицам в одиночестве, пока не наступило утро.

Тёмный цвет ночи постепенно исчезал, и на рассвете небо было полумрачным. Хэ Чжэньпин поднял голову и смотрел на небо, чувствуя, что эта туманная погода точно отражала мрак в его сердце.

Вскоре несколько холодных капель упали с неба, а затем начал падать снег, лёгкий и мягкий, медленно опускаясь на землю.

Хэ Чжэньпин протянул руку и поймал одну снежинку, которая мягко приземлилась на его ладонь и вскоре растаяла.

Он знал, что это был первый большой снег этой зимы, и это был также снег в его сердце.

Холодный ветер дул, снежинки падали, и, несмотря на красный шарф вокруг шеи, Хэ Чжэньпин не чувствовал тепла. В его голове снова и снова всплывали моменты встречи и знакомства с Су Цзэ. В глазах появились слёзы, но он не мог заплакать, лишь горько усмехнулся, звук его смеха был слабым и пустым.

Какой же я дурак! Я думал, что если буду продолжать любить его без условий, однажды он поймёт это и полюбит меня.

Но не каждое усилие в жизни вознаграждается, и некоторые вещи нельзя заставить случиться.

Накануне Хэ Чжэньпин не вернулся домой, и Цзи Янь предположил, что тот снова задержался на работе. Маленький Хэ Си очень волновался и отказался ложиться спать, настаивая на том, чтобы ждать за столом, пока Хэ Чжэньпин не вернётся. Ведь тётушки Чжао больше не было, и его единственным родственником оставался старший брат.

Цзи Янь терпеливо успокаивал Хэ Си, а маленький Фу Ань тоже помогал уговаривать его. Лишь после долгих усилий Цзи Яню удалось успокоить расстроенного Хэ Си. Он заверил его, что с Хэ Чжэньпином ничего не случится, и пообещал на следующее утро отправиться на поиски.

На следующий день, проснувшись, Цзи Янь увидел, что за окном всё было белым от снега. Он накинул тёплую куртку, умылся и, открыв ворота дома, обнаружил Хэ Чжэньпина, лежащего на улице в пьяном беспомыслии.

Сердце Цзи Яня сжалось от тревоги. Он быстро разбудил Хэ Чжэньпина, который, находясь в полусне, схватил его за одежду:

— Цзи Цзи, отец меня бросил, работу я потерял, денег нет, а Су... Су Цзэ никогда меня не любил. Теперь у меня ничего не осталось...

Когда-то Цзи Янь сказал Хэ Чжэньпину, что, если тот когда-нибудь пожалеет и будет плакать, он не сжалится, даже если Хэ Чжэньпин упадёт на колени, и больше не станет о нём заботиться.

— Ты дурак, сам во всём виноват!

Но когда этот день наступил, Цзи Янь ударил его, а затем крепко обнял.

В любое время и в любом месте они оставались братьями, братьями на всю жизнь.

Наконец наступил канун Нового года. Тётушки Чжао больше не было, и в доме не было женщины. Цзи Янь и Хэ Чжэньпин, два взрослых мужчины, вместе с Гу Сюанем, который уже был почти взрослым, целый день готовились. К вечеру они смогли сесть за стол с Фу Анем и Хэ Си, чтобы встретить Новый год.

В доме не было много еды, и они не смогли приготовить богатый ужин. Но кулинарные способности Цзи Яня всегда были на высоте, и он приготовил несколько своих фирменных блюд, каждое из которых было вкусным. На столе стояли три-четыре блюда, а также редкий куриный суп. Дети ели с удовольствием.

Видя, как дети улыбаются, взрослые тоже почувствовали тепло в сердце. Чёрно-белая фотография тётушки Чжао висела на стене, словно она всё ещё была с ними, с мягкой улыбкой на лице.

Цзи Янь и Хэ Чжэньпин посадили маленьких Фу Аня и Хэ Си себе на колени и кормили их, осторожно дуя на еду, чтобы она не была слишком горячей. Иногда они вытирали крошки с уголков рта детей. Атмосфера была тёплой и уютной.

Гу Сюань сидел напротив и смотрел, невольно замирая. Его взгляд то и дело останавливался на Цзи Яне, и он вспоминал, как в прошлой жизни тот относился к детям с неприязнью. Эта сцена казалась ему невероятной. Время действительно может изменить человека, или, возможно, Фу Хэнмо никогда не понимал Цзи Яня по-настоящему.

Фу Хэнмо заставил его быть с собой и даже родить ребёнка! Естественно, Цзи Янь должен был ненавидеть его.

Но если он был таким, как сейчас, как он мог действительно убить его? Здесь определённо была какая-то тайна.

Внезапно, почувствовав слишком пристальный взгляд Гу Сюаня, Цзи Янь поднял голову:

— Эй, Гу Сюань, чего ты уставился на меня? Не витай в облаках, ешь быстрее, пока всё горячее.

— Ага, — кивнул Гу Сюань, взял палочки и начал есть овощи, но его мысли были далеко.

Цзи Янь фыркнул. Из-за странного поведения Гу Сюаня он никак не мог понять его мысли. Он взял куриную ножку и положил её в тарелку Гу Сюаня:

— Вот, Гу Сюань, держи.

Это был обычный жест между членами семьи: жена к мужу, отец к ребёнку, ребёнок к родителям. В этом маленьком жесте было столько тепла.

На мгновение сердце Гу Сюаня сжалось. В прошлой жизни, несмотря на долгое время вместе, Цзи Янь никогда так не поступал. И только сейчас, в облике Гу Сюаня, он получил эту долю тепла.

Цзи Янь, может быть, теперь ты не только мой любимый, но и мой семьянин...

После ужина Цзи Янь и Хэ Чжэньпин посадили Фу Аня и Хэ Си себе на плечи, а Гу Сюань пошёл впереди, ведя их за пределы двора, чтобы посмотреть, как другие люди запускают фейерверки.

Яркие огни фейерверков расцветали в ночном небе, рассыпаясь звёздами. Все подняли головы, заворожённо наблюдая за этим зрелищем. Цветные огни отражались в их глазах, и казалось, что в них тоже горели фейерверки, создавая радужные переливы.

Под сверкающими фейерверками странная судьба крепко связала этих пятерых.

— А Янь, я... я хочу спеть тебе песню, — вдруг сказал маленький Фу Ань, глядя на Цзи Яня с лёгким волнением.

Цзи Янь поставил его на землю и погладил по голове:

— Хорошо, спой.

*

На свете только папа хорош,

У кого есть папа, тот как сокровище.

В объятия папы попадаешь,

И счастье не кончается.

На свете только папа хорош,

У кого нет папы, тот как травинка.

Без папиных объятий, где счастье найти...

*

Маленький мальчик своим сладким голоском спел переделанную песню «На свете только мама хорош». С самого рождения у него не было понятия «мама». Самыми важными людьми в его жизни были отец Фу Хэнмо и его А Янь. Для него они оба были папами, самыми любящими его людьми.

Услышав это, Хэ Чжэньпин замер. Он никогда не понимал, как Цзи Янь относится к Фу Аню. Но Цзи Янь рассмеялся и вдруг принял обращение «папа». Фу Ань, удивлённый, сразу же набрался смелости, поцеловал Цзи Яня в губы и с радостью убежал.

Когда Цзи Янь опомнился, Фу Ань уже танцевал перед Гу Сюанем:

— Хи-хи, братик Сюань, я тоже хочу поцелуй.

Гу Сюань ничего не сказал, но поцеловал Фу Аня с нежностью.

<http://bllate.org/book/16574/1513712>